

Пять вопросов к реформе третейских судов

М. Э. МОРОЗОВ, председатель Национальной третейской палаты, председатель Сибирского третейского суда, старший преподаватель Новосибирского государственного университета

Д. А. ВОЛОСОВ, руководитель Научно–консультативного комитета Национальной третейской палаты, аккредитованный эксперт Министерства юстиции, управляющий партнер «Ценные Бумаги Консалтинг»

Статья написана в рамках работы Научно–консультативного комитета Национальной третейской палаты по экспертизе и подготовке замечаний и предложений на проект Федерального закона «О третейских судах и арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» и пакета сопутствующих законопроектов. В статье выделяются и анализируются пять главных недостатков проводимой реформы: введение разрешительной системы создания третейских судов с трудно исполнимыми требованиями, неурегулированность вопроса компетенции третейского суда, чужеродность понятийного аппарата проекта закона и некоторые ошибки в использовании терминов, отсутствие концептуального понимания правовой природы третейского суда и усложнение процедуры третейского разбирательства на практике.

Ключевые слова: третейский суд, реформирование законодательства о третейских судах, проект закона о третейских судах.

Закончился очередной этап столь обсуждаемой реформы законодательства о третейских судах — 3 марта завершилось обсуждение пакета законопроектов, предложенных Министерством юстиции Российской Федерации. Грядущая реформа приобрела определенные очертания: на обсуждение третейского сообщества были представлены четыре закона, призванные, по мнению их разработчиков и чиновников из министерства, «приблизить российское законодательство о третейских судах к лучшим мировым практикам и серьезно повысить авторитет третейских судов» (недословная цитата из Послания Президента к Федеральному собранию 2013 года).

Несмотря на специфичность реформируемой сферы, предлагаемые проекты вызвали многочисленные нарекания и критику. Национальная третейская палата также подготовила и направила в Минюст свои критические замечания и предложения, оформив их как в рамках общественного обсуждения в виде пояснительной записки¹, так и в рамках независимой антикоррупционной экспертизы в виде экспертного заключения от имени одного из своих чле-

¹ Отзыв Национальной третейской палаты см. на с. 205–213.

нов, аккредитованного эксперта юридической компании «Ценные Бумаги Консалтинг»².

В настоящей статье на основе проведенного Палатой анализа и с учетом других высказанных в ходе обсуждения предложений и замечаний специалистов³ предложен своеобразный рейтинг претензий, или, если угодно, критических замечаний, которые деловое и третейское сообщество высказало к предлагаемым для его же блага законопроектам. Многие из написанного ниже было предметом обсуждения в рамках Постоянно действующей конференции третейского сообщества, в которой мы принимали активное участие и с выводами которой солидарны.

Каждое из приведенных ниже замечаний максимально полно обосновывается, причем как с позиции нашего профессионального практического опыта, так и через призму законодательства об экспертизе на коррупциогенность. В отношении последнего следует пояснить, что экспертиза на коррупциогенность проектов нормативно-правовых актов появилась в России достаточно недавно и еще не нашла должного распространения среди юридического сообщества. Методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов и проектов нормативно-правовых актов утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (далее — Методика проведения экспертизы). Такая экспертиза осуществляется независимыми экспертами, аккредитованными Министерством юстиции, и, в отличие от обычных замечаний и предложений, экспертные заключения подлежат приложению к проектам соответствующих нормативно-правовых актов при их внесении в Правительство (п. 8 «Правил проведения антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов и проектов нормативно-правовых актов», утвержденных упомянутым Постановлением от 26.02.2010 № 96).

Итак, приступим.

1. Процедура создания третейского суда превращается из уведомительной в разрешительную, да еще с неисполнимыми требованиями.

Пожалуй, вершину неформального претензионного рейтинга следует увенчать п. 5 ст. 39 с предложением разработчиков принимать «решение о выдаче созданному либо создаваемому в Российской Федерации постоянно действующему арбитражному учреждению разрешения на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения или об отказе в выдаче такого разрешения межведомственным экспертным советом по результатам анализа выполнения совокупности следующих требований: 1) соответствие представленных документов требованиям законодательства Российской Федерации; 2) **деятельность созданного или создаваемого в Российской Федерации постоянно действующего арбитражного учреждения будет способствовать развитию в Российской Федерации третейского разбирательства, укреплению законности, становлению и развитию партнерских деловых отношений, формированию этики делового оборота**». Если соответствие документов требованиям законодательства является стандартным требованием при

² Экспертное заключение юридической компании «Ценные Бумаги Консалтинг» см. на с. 265–273.

³ При подготовке статьи использовались в том числе комментарии Российской арбитражной ассоциации (см. на с. 229–259); замечания и предложения ОАО «Газпром» (см. на с. 214–223).

прохождении практически любой разрешительной процедуры, то следующий абзац является абсолютной новеллой российского законодательства.

Так, категории «развитие третейского разбирательства», «укрепление законности», «становление и развитие партнерских деловых отношений» (кого и с кем?), «формирование этики делового оборота» являются исключительно оценочными и не имеют, да и не могут иметь нормативно-правового определения. Соответственно, вопрос о том, будет ли деятельность постоянно действующего арбитражного учреждения способствовать становлению всех перечисленных абстрактных категорий или не будет, правового ответа не имеет в принципе. Любое мнение в отношении конкретного арбитражного учреждения в отсутствие четких законодательно установленных критериев для оценки будет не более чем субъективным мнением его автора. Одновременно отсутствие этих критериев, прописанных в законе, сделает невозможным дальнейшее обжалование отказа в судебном порядке. (Здесь следует отметить, что возможность обжалования отказа в выдаче разрешения арбитражному учреждению вообще проектом закона не предусмотрена, но мы предлагаем исходить из возможности такового на основании общих норм права.)

К месту напомнить слова нашего замечательного соотечественника А. Ф. Кони: «Суд постановляет приговоры, а не оказывает услуги». В рассматриваемом случае арбитражное учреждение все-таки призвано обеспечивать работу третейского суда (о чем прямо указано в ... статье закона), а третейский суд — разрешать споры, а не «развивать», «укреплять» и «формировать». Для выполнения этих безусловно полезных и нужных функций есть объединения третейских судов (например, Национальная третейская палата) и прочие подобные общественные и некоммерческие организации.

И уж никак нельзя сказать, *будет ли* деятельность постоянно действующего арбитражного учреждения что-то развивать и укреплять в будущем. Как справедливо отмечено в направленном в Минюст экспертном заключении компании «Ценные Бумаги Консалтинг», «поскольку в настоящее время отсутствуют правовые механизмы достоверного прогнозирования будущих событий, то в любом случае невозможно достоверно утверждать, будет ли (т. е. применительно к будущему времени) деятельность соответствующего постоянно действующего арбитражного учреждения чему-то способствовать или не будет». Представьте себе такую ситуацию: Вы обращаетесь за разрешением на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения, а Вам отвечают: «Ваше арбитражное учреждение завтра не будет способствовать становлению партнерских и деловых отношений, поэтому сегодня мы Вам разрешения не дадим!» Абсурд? Нет, вполне законный ответ в свете предлагаемой реформы.

Норма о «способствовании» может объясняться единственным обстоятельством — желанием чиновников имплементировать в тело закона некий фильтр, позволяющий им по своему усмотрению допускать или не допускать на рынок новых игроков.

С точки зрения антикоррупционного законодательства, в рассматриваемой норме присутствуют два коррупциогенных фактора, устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил — определение компетенции по формуле «вправе» — диспозитивное установление

возможности совершения органами государственной власти или органами местного самоуправления (их должностными лицами) действий в отношении граждан и организаций и выборочное изменение объема прав — возможность необоснованного установления исключений из общего порядка для граждан и организаций по усмотрению органов государственной власти или органов местного самоуправления (их должностных лиц), предусмотренные соответственно п. 3 «б» и 3 «в» Методики проведения экспертизы. Такое сочетание встречается крайне редко, и любой из этих коррупциогенных факторов один уже достаточен для возвращения проекта нормативно-правового акта на доработку. Определенную сложность представляет экстраполизирование антикоррупционных требований к государственным и муниципальным органам на Межведомственный экспертный совет, который по своей сути таковым не является; однако нам представляется, что это возможно, поскольку разрешение на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения выдается все-таки государственным органом — Министерством юстиции, — и на основании решения этого самого Межведомственного экспертного совета.

Как может заработать эта норма на практике? К сожалению, есть все основания полагать, что число третейских судов, допущенных к деятельности в новых условиях, не просто сократится, а упадет к величине, близкой к нулю. «Вымрут» те третейские суды, которые рассматривают небольшое количество дел и не занимаются никакой общественной деятельностью, которая бы позволила им доказать свой вклад в развитие третейского судопроизводства. Разрешение на деятельность арбитражного учреждения в общем порядке будет получить практически невозможно.

Мы не согласны с идеей введения разрешительной системы в третейском разбирательстве. Но, даже если в том или ином виде вводить институт разрешений и регистрации третейского суда в качестве юридического лица, то следует исключить из проекта деятельность Межведомственного экспертного совета, а вменить указанную функцию непосредственно Минюсту. При этом основания к выдаче разрешения должны быть исчерпывающе приведены в законе, не допускать усмотрения и быть одинаковыми для всех субъектов, так сказать, деятельности по третейскому разбирательству (к числу которых относятся и торгово-промышленные палаты, иностранные арбитражные учреждения). Введение в закон Межведомственного экспертного совета не только противоречит антикоррупционному подходу к регулированию прав (поскольку решение принимается на основании субъективного усмотрения путем оценки полезности создания третейского суда), но и вследствие участия в Совете представителей Торгово-промышленной палаты РФ порождает новый, ранее неизвестный юридической науке способ регулирования, когда организации, при которых есть третейские суды, будут разрешать создание других третейских судов.

2. Не решена проблема надлежащего определения компетенции третейского суда.

Представляется, что любая реформа призвана в первую очередь решить проблемы, накопившиеся в реформируемой отрасли и выявленные практикой. С этой точки зрения, одним из стержневых вопросов проекта было более четкое, нежели в существующем законе, определение компетенции третейского суда с одновременным ее расширением. Расширение компетенции

обусловливалось как раз усилением требований к процедуре создания третейского суда как некоей гарантии от злоупотреблений, что позволило бы расширить компетенцию третейского суда без ущерба для интересов государства и общества.

В предлагаемом законопроекте законодатель пошел по пути определения компетенции так, как это обычно делается в западных юрисдикциях. Удастся ли достичь расширения компетенции таким путем — большой вопрос.

Во-первых, критерии компетенции третейского суда должны быть предельно понятны и не использовать терминов, вызывающих двойное толкование или использующихся только в доктринальных рамках. Так, «*частноправовые отношения*» и «*свободное распоряжение процессуальными правами*» — термины, использованные в п. 5 ст. 1 проекта закона, не только не решают проблему определения компетенции третейского суда, но и порождают новые сложности, которые ранее отсутствовали. Указание на частное право в совокупности с термином «распоряжение правами» изначально вызовет правовую неопределенность относительно пределов компетенции третейского суда и необходимость толкования ее пределов. Если буквально следовать этому подходу, то и спор о взыскании алиментов следует отнести к компетенции третейского суда, хотя вряд ли это входило в планы законодателя.

Во-вторых, даже использование устоявшихся, но имеющих общих характер терминов (таких, как использованный в том же п. 5 ст. 1 термин «гражданско-правовые отношения») при применении прежнего закона в процессе выработки правовых позиций ВАС РФ приводило к значительным изъятиям из компетенции третейского суда многих споров. Указанным образом из компетенции третейских судов в свое время были исключены споры о собственности с участием публичных субъектов или элементами публичности в самой сделке. Поэтому представляется, что для достижения цели определения и расширения компетенции следовало бы конкретно указать области, где допускается третейское разбирательство, а также то, что исключения могут быть установлены в отношении гражданско-правовых споров только законом (а не практико-образующими постановлениями ВАС РФ). После ряда резонансных судебных разбирательств (достаточно упомянуть дело акционера ОАО «Макси-Групп» Николая Максимова к ОАО «НЛМК» в МКАС при ТПП РФ) бизнес и третейское сообщество ждали от реформы именно этого.

На фоне описанных изъянов реформы включение в компетенцию третейского суда корпоративных споров, которое можно только приветствовать, принципиально ситуацию не улучшает.

Другой проблемой, которая де-юре не относится к компетенции третейского суда (в буквальном понимании термина «компетенция»), но де-факто приходит на ум при обсуждении вопроса, что третейский суд компетентен и что не компетентен делать, является процедура применения обеспечительных мер. Предлагаемая проектом закона формулировка **«Постановления и иные процессуальные акты третейского суда о принятии обеспечительных мер являются для сторон обязательными, но не подлежат признанию и принудительному исполнению судами в Российской Федерации»** не только является регрессом по сравнению с прежней редакцией закона, но фактически дезавуирует саму возможность третейского суда распорядиться о принятии обеспечительных мер. Так, заинтересованная сторона третейского разбирательства,

имея формальное право на получение обеспечительных мер по своему иску, тем не менее, не имеет понятного с правовой точки зрения и исполнимого механизма реализации своего права (поскольку вынесенные третейским судом обеспечительные меры фактически не обязательны для другой стороны и их выполнение зависит целиком и полностью от желания этой другой стороны). В подобных условиях любые распоряжения третейского суда о принятии обеспечительных мер будут иметь правовое значение не более, чем организационные предложения сторонам совершить некие действия (например, предоставить дополнительные документы до дня судебного заседания). Очевидно, что предлагаемая законопроектом трактовка обеспечительных мер третейского суда в корне расходится с общепризнанным пониманием обеспечительных мер как судебного механизма.

3. Проект закона написан в традициях иностранного права и содержит как большое количество чуждых отечественному праву оборотов и понятий, так и ряд откровенно терминологических ошибок.

Самым многочисленным, пожалуй, является нехарактерное для российской правовой терминологии понятие «просьба» в различных словоформах; оно употребляется в ст.ст. 8, 11, 13, 16, 21, 24, 26, 33 и 35 проекта закона. Следует отметить, что термины «просить» и «просьба» применительно к процессуальному действию стороны третейского разбирательства, во-первых, не употребляются в законодательстве как таковые, во-вторых, имеют вполне устоявшиеся и предусмотренные АПК РФ и ГПК РФ синонимы — «*ходатайствовать*» и «*заявлять*» (и «*ходатайство*» и «*заявление*», соответственно).

Функции содействия и контроля, о которых идет речь в ст. 6 проекта закона, призван осуществлять некий «*компетентный суд*» Российской Федерации. Что это за суд, одновременно знают все и не знает никто: казалось бы, значение слова *компетентный* вполне понятно, однако правовое определение соответствующего термина отсутствует как в действующем законодательстве, так и в предлагаемом проекте закона (так, в ст. 2 «Основные определения» раскрываются только понятия суда и *третейского суда*).

Термин «*направить стороны в арбитраж*», предлагаемый в п. 1 ст. 8, также не употребляется и характерен скорее для отношений пациента и медицинского учреждения, когда врач направляет пациента на обследование или лечение. В действующем процессуальном законодательстве отсутствует какое-либо действие арбитражного суда или суда общей юрисдикции, которое бы соответствовало термину «*направить*», что делает неопределенным действия, которые суду необходимо совершить во исполнение ст. 8.

В п. 2 ст. 8, вероятно, имелись в виду споры все-таки о *подведомственности*, а не о *подсудности*, поскольку, исходя из общего правового смысла норм ст. 8 проекта закона, данная статья регулирует случай обращения одной стороны в суд государственный, а другой стороны — в суд третейский, т. е. не идет речи о, например, обращении в два разных арбитражных суда или в два разных суда общей юрисдикции.

Термин «*мандат арбитра*», появляющийся вдруг и не совсем понятно, для каких целей, в ст. 14 и 15, во-первых, не употребляется нигде больше в законодательстве, во-вторых, в принципе является излишним, поскольку по существу означает «*полномочия арбитра*» — т. е. одно и то же с уже используемым в тех же статьях термином.

Явным дефектом юридической техники является и редакция п. 8 ст. 7 проекта, поскольку арбитражное соглашение не может быть договором присоединения и, тем более, в соответствии с нормами ГК РФ, который регулирует только имущественные отношения, но не процессуальные. Даже если воспринимать указанную норму как отсылочную, что вопрос рассматривается в соответствии с правилами ст. 428 ГК РФ, то все равно возникает вопрос, как применить основания для расторжения договора, указанные в ст. 428 ГК РФ, к третейскому соглашению. Дело в том, что договор присоединения может быть расторгнут, если содержит явно обременительные условия, которые сторона не приняла бы в обычных условиях заключения сделки. Применительно к третейскому соглашению в качестве таких условий может выступать только само условие о передаче спора в третейский суд. Если это толковать таким образом, то государственный суд будет фактически штамповать решения о расторжении третейских соглашений. Если именно таким способом законодатель хотел защитить слабую сторону, то было бы разумнее просто предоставить право этой стороне отказаться от третейского соглашения, не прибегая к судебному расторжению. Из выражения «может быть признано» подразумевается судебный порядок, хотя, исходя из принципа компетенции — компетенции (сам арбитраж устанавливает свою компетенцию), это прерогатива состава арбитража. Не будет применяться указанная норма и к отношениям предпринимателей, что следует из п. 3 ст. 428 ГК РФ.

Можно много говорить о том, что юридическая техника не есть главное в законопроекте, что важнее некие стратегические мысли, которые в этот законопроект заложены⁴... Но не дает покоя один простой вопрос: возможно ли, не владея этой самой неглавной юридической техникой, подготовить и провести в целом эффективную реформу, если в частности нет даже согласованной системы правовых терминов и понятий — базы любого законопроекта?

При этом приведенный выше перечень при желании может быть дополнен; рассматриваемый законопроект является тем редким примером законотворчества, когда научно-методическую дискуссию может вызывать практически каждая статья. Поскольку мы не ставили цели изложить здесь подробный лингвистическо-терминологический анализ, то в определенный момент было принято решение остановиться.

4. Законопроект не предлагает внятного ответа на вопрос о правовой природе третейского суда.

Как сразу видно из текста законопроекта, наибольшие изменения происходят в сфере организации третейских судов. Кроме превращения процедуры создания из уведомительной в разрешительную (о котором мы уже писали выше), хочется остановиться на следующем. Упор в законопроекте делается на попытку придания третейскому суду статуса юридического лица и необходимости получения разрешения уполномоченного государственного органа (в данном случае это Министерство юстиции Российской Федерации).

На наш взгляд, наиболее соответствовало бы природе третейского суда не придание ему статуса юридического лица и выдача разрешения, а создание процедуры включения третейских судов в общедоступный реестр третейских судов. А ведение такого реестра и можно было бы возложить на Минюст России.

⁴ Рекомендую, напр.: Муранов А. И. В поддержку третейских проектов Минюста (см. на с. 274–319).

Это позволило бы создать барьер для некоторой части недобросовестных третейских судов и сделать общедоступной информацию о действующих третейских судах, их правилах, составе арбитров. Процедуру ликвидации третейского суда тогда легко увязать с исключением из такого реестра на основании четко установленной процедуры и оснований. А если и следовать концепции превращения третейского суда в юридическое лицо, то следовать до конца — т. е. придавать форму юридического лица не некоему постоянно действующему арбитражному учреждению, а непосредственно самому третейскому суду. Подобный подход ранее обсуждался на страницах журнала «Третейский суд»⁵.

В рассматриваемом же законопроекте мы видим половинчатое решение. Из анализа текста можно сделать обоснованный вывод о том, что третейский суд по-прежнему есть фактически коллектив арбитров и юридическим лицом еще не является, однако деятельность этого коллектива «администрирует» некое «постоянно действующее арбитражное учреждение», которое юридическим лицом уже является и как юридическое лицо получает разрешение на такое администрирование в государственном органе. Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, чем будет являться предусмотренное проектом закона «разрешение на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения» — лицензией или чем-то иным, но подобные нюансы выходят за рамки настоящей статьи.

Представляется, что ясный ответ на концептуальном уровне о правовой природе третейского суда не просто закрепит тот или иной теоретический подход, но позволит разрубить гордиев узел вопросов, которые (в отличие от научно-методического спора о том, что есть третейский суд) и волнуют тот самый бизнес, ради которого начата реформа.

Собственно, некоторую точку в обсуждении этого вопроса ставит, как ни странно, предлагаемый разработчиками проекта закона так называемый «открытый список арбитров» (когда согласно ст. 42 сторона имеет право выбирать арбитра не только из числа арбитров, рекомендованных конкретным третейским судом и включенных этим судом в «список арбитров», но и любого иного арбитра). В подобных условиях, когда само постоянно действующее арбитражное учреждение может быть не в состоянии координировать действия выбранного стороной арбитра и нести какую-либо ответственность за его действия хотя бы потому, что этот арбитр ему неизвестен и никаким образом с ним не связан, делает бессмысленным дальнейший разговор о создании механизма ответственности, страхования и прочих подобных вещах.

5. Создается малопонятная процедура третейского разбирательства, предоставляющая недобросовестной стороне правовые рычаги для затягивания рассмотрения дела.

Традиционно вопрос формирования состава третейского суда оставался на усмотрение сторон третейского разбирательства и регулировался правилами разбирательства. Введение императивного регулирования этого вопроса приведет к необоснованному усложнению третейского разбирательства и увеличению сроков формирования состава, в том числе за счет введения комитета по назначениям. Для реально работающих третейских судов рас-

⁵ См.: Волосов Д. А. Необходимо ли юридическое лицо третейскому суду? // Третейский суд. 2013. № 1. С. 87.

смагивающих хотя бы сотню дел в год, такой механизм способен полностью парализовать работу третейского суда. Ежедневно созывать комитет для формирования состава суда, если это не сделала сторона, явно излишне. Сегодня эту функцию выполняет председатель суда, и его замена на коллегиальный орган не обезопасит стороны от злоупотреблений, если они уже есть в третейском суде. Комитет по назначениям должен состоять не менее чем из 5 юристов, из которых 3 не должны быть связаны с третейским судом. Такой подход, уместный для сложных дел международного коммерческого арбитража, не подходит для внутреннего арбитража. Профессиональные юристы с высокой репутацией должны каждый день ходить в третейский суд и принимать решения о формировании состава суда. Поэтому данная мера приведет к стагнации именно крупных третейских судов, которые станут неэффективными, увеличит срок разбирательства и совокупные затраты.

Попробуем смоделировать, каким станет третейское разбирательство по новому закону и насколько предлагаемая модель делает его реальным инструментом защиты прав, понятным сторонам процесса.

Все начинается с просьбы об арбитраже к ответчику. Что это за просьба и как на нее реагировать, закон ответа не дает. Потом истец подает иск, и закон опять умалчивает, каковы должны быть действия суда. Далее начнется самая мучительная процедура — формирование состава суда. Указанные далее сроки установлены законом; будем ориентироваться на них как на средние. Итак, 30 дней на выбор арбитра сторонами, потом 30 дней на утверждение двумя избранными третьего. Если происходит сбой в выборе арбитра на любой стадии, то следует добавить еще 30–60 дней на назначение арбитра государственным судом в порядке содействия. Некоторое время еще займет переход из одной стадии в другую и составление необходимых документов и передача их в нужную инстанцию. На некоторое время этот процесс затормозится необходимостью подписания документов комитетом по назначению арбитров. Итого, получается, что цикл всего лишь формирования состава суда займет 90 дней при условии, что ни одна из сторон не будет чинить к этому препятствий.

С учетом введения открытых списков третейских судей не факт, что третейские судьи будут знать третейский процесс и добросовестно исполнять свои обязанности. Если же одна из сторон поставит задачу затянуть процесс, то для этого есть еще механизм заявления отвода третейскому судье и оспаривания компетенции в государственном суде (хотя это не приостанавливает разбирательство). Если же договор сторон окажется договором присоединения, то ситуация может еще более запутаться. Три месяца стороны будут в состоянии конфликта и еще не приступят к его разрешению! Возникает закономерный вопрос: зачем вводить комиссию по назначениям и такую процедуру формирования состава суда? Только если признать, что злоупотребления происходят из того, что состав формировал председатель суда. Однако очевидно, что в этой части особых проблем никогда не было.

Приближать внутренний арбитраж к неписанным международным стандартам не имеет смысла хотя бы потому, что это два процесса одинаковой природы, но различные по уровню сложности решаемых ими задач. Большинство споров внутреннего арбитража не представляют правовой сложности, и избыточные качественные характеристики состава суда и их квалификация не даст никакого позитивного эффекта. Неужели для взыскания

задолженности по займу следует обязательно привлекать звезд мировой величины, а обычный юрист с такой задачей не справится? Введение таких гарантий прав сторон может полностью лишить смысла само третейское разбирательство и сделать его неконкурентоспособным даже по отношению к государственному суду.

Национальное законодательство других государств по регулированию внутреннего арбитража не создает таких императивно установленных правил, а основная регулирующая функция отведена не закону, а регламенту. Чтобы менять существующий порядок, нужно признать его неверным или неэффективным. Удлинение сроков даже не рассмотрения спора, а лишь формирования состава, не должно оправдываться только тем, что в мировых центрах международного арбитража так принято. Мы добровольно отказываемся от преимущества оперативности рассмотрения спора, никак не улучшая эффективность процесса. Стороне арбитража не нужны сложности для разрешения элементарного дела. Конечно, бывают внутренние споры, требующие высочайшей квалификации или специализации, но тогда для них и имеет смысл вводить такой порядок. Излишнее усложнение процедуры будет означать одобрение законом процессуальных злоупотреблений. Проект принципиально ведет страну неверным путем, поскольку никаких объективных предпосылок сделать эффективное на сегодня разбирательство долгим и утомительным нет.

Хотелось бы завершить обзор в позитивном тоне, что, «несмотря на» и «мы не сомневаемся», но этому мешает один очевидный вопрос: будет ли реформа с таким количеством выявленных недостатков шагом вперед? То, что третейское разбирательство после проведения реформы будет иным, в этом сомнений нет. Но не все *иное* является эволюцией. Может быть нужно, пока для этого есть время и понимание, переписать предлагаемые законопроекты? Именно переписать, а не внести «соответствующие корректировки», ибо после детального анализа законопроекта и ознакомления с мнением коллег по цеху неминуемо приходишь к выводу о том, что это тот несчастный случай, когда сделать новое легче, чем исправить старое.